

Александр Левитов

Бабушка Маслиха

Александр Левитов

Бабушка Маслиха

«Public Domain»

1864

Левитов А. И.

Бабушка Маслиха / А. И. Левитов — «Public Domain», 1864

«Ни разу не слышал я, чтобы кто-нибудь пел так хорошо, как певала в старину бабушка Маслиха. И хлеба тоже во всем нашем городке ни одна торговка лучше ее не пекла. Бывало, спит еще маленький городок, на далеком востоке небесном только чуть-чуть показались золотистые тонкие лучи, предвещающие появление солнца; прохладные, далеко гонящие дремоту утренние туманы носятся над сонными улицами какими-то грозно одушевленными снопами; по самым улицам ленивою и неслышною поступью тянется нескончаемый обоз с камышинскою солью...»

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Иванович Левитов

Бабушка Маслиха¹

I

Ни разу не слышал я, чтобы кто-нибудь пел так хорошо, как пела в старину бабушка Маслиха. И хлеба тоже во всем нашем городке ни одна торговка лучше ее не пекла.

Бывало, спит еще маленький городок, на далеком востоке небесном только чуть-чуть показались золотистые тонкие лучи, предвещающие появление солнца; прохладные, далеко гонящие дремоту утренние туманы носятся над сонными улицами какими-то грозно одушевленными снопами; по самым улицам ленивою и неслышною поступью тянется нескончаемый обоз с камышинскою солью, с саратовской золотою пшеницей, и во всей этой мертво спавшей, но мирившей со всякой мирской злобою жизни, ей-богу! нельзя было разобрать, кому слаще спится, кому добрей грезится: чумакам ли из-под Пирятина, что идут около своих тучных волов, глухо пошаркивая далеко пахнувшими дегтем сапожищами, или самим волам. Склонивши глазастые и рогатые головы на старинную деревянную запряжку, шагают быки и будто думают, – будто они думают о чем-то таком важном, что вот против их воли приподнимает к рассветающему небу их тяжелые, опущенные к росистой земле головы – и во все их звонко щемящие горла дружным хором заставит вскрикнуть: «Ой вы, чумаки-чумачищи пирятинские! Не пора ли вам, чумачищи пирятинские, нас, быков черноморских, из тяжелой упряжи выпрячь?.. Ой, не мы ли с вами, быки черноморские, всю нашу степь летними господними ночами тихим походом прошли? Видели мы вместе с вами в те темные ночи, как в степи дальние села ярким пожаром горели, слышали, как поперед нашего обоза в глухую полночь громкий крик человеческий, что из-под светлого лиходейского ножа вылетал, дюже разрезывал, – с вами вместе, усастые чумачищи, мы жаркими днями были жаждой палимы, а страшными ночами – бескормицей, – распрягайте же нас, чумаки, поскорее и давайте нам отдых...»

Но сладкая зарева дремота не давала выкрикаться этой бычачьей думе, следовательно, в ничем не нарушаемой тишине спящего городка еще звонче, чем в тревожное время жаркого полдня, раздавалось пение бабушки Маслихи, которая, несмотря на раннее утро, уже везла на базарную площадь полную тележку с хлебом, с пареными грушами, вареными печенками и прочим снадобьем, до какого такие охотники эти чумаки, распрягающие наконец на той же площади своих усталых волов.

С каждым днем все пуще и пуще забывает степь свои старинные песни и сказки. Ныне разве только в светлой хоромине старообрядца можно услышать те псалмы, которыми некогда Маслиха будила наш город. Ее внучка даже, вышедшая замуж за городского попа, поет уже большею частию совсем не то, что некогда пела она на базарной площади с своей бабкой. Ее сыновья-семинаристы с каждой побывкой домой привозят ей из губернии всё новые книги, из которых сам поп выбирает самые лучшие стихи, и тогда поповский залик, весь заставленный пахучими степными цветами, с мастерски написанными образами и картинами хозяйской работы, развешанными по ярко выбеленным стенам, тогда, говорю, этот залик оглашается грустным звоном старинных гуслей и дружным хором семьи, который сходиллся слушать весь город.

Да! совсем другое ныне поется в степи. Поповская семья поет ныне Некрасова и Кольцова, приводит в неизъяснимый восторг своих уличных слушателей церковными молитвами

Львова и Бортнянского², а тогда, когда жила бабушка Маслиха, ничего такого мы – степняки – одним ухом даже не слыхивали.

Были, конечно, и в те времена люди, которые ни свет ни заря выползали из кабаков и горланили, приложив руку к раскрасневшейся щеке, что вот-де «*был я, мальчик, на почтовом дворе*», точно так же, как и в поповское время есть ухачи, какие до беспамятства одуряются завезенною московским молодцом песней, рассказывающей про то, как этот дурачина, всю жизнь свою процветавший в лавке под хозяйским безменом, был будто бы одним вечером в *маскараде*. Поистине: ничего нет во всем мире безобразнее этой ленивой и исполненной какой-то невыразимой тупости песни; но тем не менее часто случалось так, что нелепые крики, выражавшие, как именно шатался по *маскараду* лавочный осел, гармоника, свист и пляска, которые обыкновенно сопровождают те крики, сполна заглушали прекрасное пение, которое разливал на темный городишко светлый поповский дом.

Большим походом идут новые новости на старую степь, с каждым годом все больше и больше наплывает на нее тех новостей. И, словно бы, сказать не соврать, новости эти мало добра с собою приносят, словно бы от них истома какая-то нападает на степных людей и болезнь... То ли оттого это, что мы к старому очень привыкли, а то и оттого, может быть, что не наши они, а надувает их на нас, как злую холеру, ветер далекий...

Знает про то один господь-батюшка. Он у нас могучей рукою своей в последние годы даже как бы изменил день и ночь, вечер и утро. Все это как-то не так ложится теперь на нашу благодатную землю, как в старину ложилось, потому что заговорили теперь степные смиренные люди так, как в прежние годы им редко говорить доводилось:

– Что это ныне хлебушка-то у нас не очень, чтобы тово... – толкуют мужики. – И травы зеленые тоже не так чтоб... Пожалуй, эдак-то будет, так скотина-то у нас дюже притомится за зиму-то...

– Да, вот он какой ныне, хлебушка-то! – вздыхал другой. – Ты про скотину помолчи лучше, потому Христос над ней завсегда. Ты про себя пораздумай, про семью. Ей будет ли что в рот положить?..

– Н-ну, торговля ныне пошла! – озлобленно восклицают мещане, сердито выпыхивая зеленый дым из коротеньких трубочек. – То есть вот до чего обголодал я с этой торговлей, что в охотники хочу наниматься³...

– А мне, – угрюмо договаривает другой, – ежели бы только не совесть, так хоть под дорожку с вострым ножом становиться, так в ту же пору... Погляжу вот, что еще будет, а то куда кривая не вынесет... Хуже-то, пожалуй, вряд ли и там будет...

Вот сколь сладкие разговоры заступили ныне место сладкого Маслихина пенья!

² ...молитвами Львова и Бортнянского. – Львов Алексей Федорович (1798—1870) – композитор и скрипач, директор придворной певческой капеллы (до 1861 года), автор многих оригинальных сочинений для церкви. Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825) – русский композитор, известен как автор хоровой церковной музыки.

³ ...в охотники хочу наниматься – то есть в солдаты, вместо того, кто должен идти по рекрутскому набору.

II

Перемерли старые люди в степи, переменились разговоры, пошли другие и песни, так что от бабушки Маслихи я уже от последней слышал, как она начинала свой многотрудный день какую-то полупесней, полумолитвой:

Жертву богу приношу,
Благодати я прошу.
Господи, помилуй создание твое!

Скрипит по пыльной дороге ее тяжело нагруженная тележка – тащит ее бабушка Маслиха, высокая такая старуха, с крутым лбом, полузакрытым ситцевым шлыком, с сердитыми на первый взгляд, но умными чертами лица, – тащит старая торговка свою телегу и временем, невзирая на раннее и, следовательно, прохладное утро, словно бы отмахиваясь от чего то одной, то другой рукой, оттирает с желтых впалых щек трудовые, потные капли. Так плавно ходила Маслиха в своей упряжи, что, кроме этих редких отмахиваний, в ней нельзя было подметить ни одного движения, которое бы хоть сколько-нибудь нарушало ту важность, с которою она хаживала на трудное дело честного кормления от своих собственных, как она выражалась, вдовьих рук.

Словно бы, говорю, не шла Маслиха, а плыла, и в это длинное плаванье, которое совершала она от своей избушки, как-то пугливо, совершенно по-сиротски прилепившейся на самом краю города, до рынка, она преимущественно любила петь длинную старинную псалму, начинавшуюся так:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.